

A romantic scene in a bedroom. In the foreground, a blonde woman with wavy hair and blue eyes looks directly at the camera, holding a white fabric. In the background, a shirtless man with a beard and short hair looks towards the camera, wearing an open white shirt. The room is dimly lit with warm lights.

ТАЛЪЯНА
ОРЛОВА

МАТЕМАТИКА
НА РАЗДЕВАНИЕ

Тальяна Орлова
Математика на раздевание
Серия «Жутко горячие
властные пластилинчики»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68876790

Аннотация

В этом репетиторе все странно: от стиля преподавания до манеры вести диалог. Асе нужно подтянуть хвосты по высшей математике, чтобы не вылететь из университета. Владимиру – пробраться в кабинет ее отца, для чего он и притворяется преподавателем нужного предмета. Их планам ничто не мешает, кроме ненормального напряжения, которое растет с каждой новой встречей.

В книге присутствует нецензурная брань!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	20
Глава 3	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Тальяна Орлова

Математика на раздевание

Глава 1

Владимир

Знаю, что времени уже нет, но все равно продолжаю пялиться на многоэтажку. Пытаюсь угадать окна нужной квартиры, как если бы от итогов этого бессмысленного мероприятия зависел результат всей задумки. Жорик оказался прав. Он вообще слишком часто бывает прав – и этим бесит. Ненавидит, когда его называют «Жориком», именно поэтому я только так к нему и обращаюсь. Бесить друг друга мы начали, еще будучи одноклассниками, с тех пор не можем остановиться.

Я сомневался, что выберут меня. Слишком много анкет на сайте, репетиторов развелось, как нерезанных кабанов. Но Жорик сказал, что надо просто указать самый высокий ценник – предположил, что такое чмо, как Куприянов, просто обязан инвестировать в единственного ребенка так, словно от этого зависит его пенсия. Но ему некогда копаться в обслуживающем персонале, и потому он кликнет на самый высокий ценник. Я подскочил на месте, когда все же нужный звонок получил. Правда, не от самого Куприянова и уже тре-

тым – двум студентам до него пришлось отказать, но сделать вывод, что далеко не только наш клиент принимает решения кошельком.

Медленно вдыхаю, окончательно настраиваюсь. Надо идти, лучшей возможности мы не придумали. И я обязан выполнить свою часть работы, не только ведь Жорику отдуваться. Как любой хороший юрист, он – пройдоха и негодяй. После школы мы разбежались в разных направлениях, но три года назад встретились – посидели в баре, вспомнили, как доводили в школьные годы химичку, как курили в спортзале и вместе прохватывали за это шей. И неожиданно решили, что просто обязаны работать вместе. У него как раз назрела аллергия на обычную клиентуру, а мне всегда требовался юрист, которому можно на сто процентов доверять. Пару недель назад Жорик шел к Куприянову в офис с претензией, хотя сам не верил в эффективность такого варианта, но уже в приемной неожиданно изменил стратегию. Оценил перспективы и надел на секретаршу – ухоженную, молодящуюся даму, которая каждым жестом выдавала, как заскучала по настоящему мужику. И Жорик решил, что он вполне способен из себя этого мужика изобразить. А что – холеный, перченый, настоящий отвязный мерзавец, таких девчонки просто обожают, а дамы средних лет уверены, что им под силу таких перевоспитать. У Марии Львовны не было ни единого шанса устоять. В итоге Жорик и покувыркался, и оторвался, и даже немножечко влюбился, полностью согласный

перевоспитываться, но параллельно кое-что узнавал о Куприянове. Секретарша того не оказалась совсем уж болтливой душой, но кое-какие ее оговорки нам здорово помогли. Помимо главного, мы узнали, что Куприянов ищет репетитора по математике для дочери-студентки. И тут Жорику приходит в голову гениальная идея, что мне наконец-то пригодится диплом физмата. Действительно, зачем он мне еще?

Все же направляюсь к подъезду, на ходу проверяя телефон. Включена максимальная громкость, зарядки еще на несколько часов хватит. Это важно, если не хочу попасться. Домофон отвечает мне женским голосом:

– Открываю!

Думал, что встречать меня будет какая-нибудь домработница. Но нет, она сама открывает дверь и ждет, когда я подойду от лифта.

– Алексей Владимирович? – уточняет без лишних эмоций. – Вы опаздываете.

Киваю, признавая вину. Разглядываю ее. Пучеглазая анорексичка, она не понравилась мне еще до того, как я ее впервые увидел. Хоть бы накрутилась, да и футболку могла нацепить попримечнее. Вся какая-то дурацкая. И имя у нее дурацкое – Ася. Кличка для кошки, а не имя. У ее папаши большие связи, он смог впихнуть единственное чадо в МГУ, но мозги ей в голову вложить не получилось, потому студентка программу не тянет. Тупорылая, черт бы побрал эту золотую молодежь. Ей точно девятнадцать? Приглядываюсь

лучше – да, уже не подросток, но из-за телосложения на первый взгляд выглядит младше. Ее тут вообще не кормят? Почему она такая худющая?

Оправдываюсь, примеряя на себя необходимое для будущей роли смирение:

– Добрый день, Ася. Я еще Марии Львовне по телефону объяснял, что мне по вторникам неудобно. Или не ругайся, или пересматривай график.

Это было непрофессионально. Ко взрослым ученикам обращаются строго на вы, но вылетает само собой – язык не поворачивается говорить с этой девчушкой толщиной со швабру более официально. Ася то ли не замечает, то ли решает не обращать внимания. Ей нужна моя помощь, иначе никакие папины денежки не помогут – препод в университете им попался весьма принципиальный.

– Проходите, Алексей Владимирович, – зовет она и показывает дорогу.

Успеваю осмотреться. Кажется, на кухне кто-то есть – возможно, повар. Но мы с Жориком сразу понимали, что подходящего момента придется ждать неделями или даже месяцами. А квартира огромная! Я думал, у меня немаленькая, но три моих вместились бы в одну эту. Куприянов не стесняется жить на полную котлету, сукин сын. Гигантская гостиная вся такая скучно-бежевая, что даже темные ножки кресел выглядят яркими дизайнерскими решениями. Одна из дверей сразу кажется подходящей: сквозь толстое стекло

различим высокий шкаф и край стола. Ставлю всю Жорикову зарплату на то, что это кабинет хозяина квартиры. Но сейчас пока проверять рано.

Иду за Асей в ее комнату. Слишком широкая футболка висит на худых плечиках, как на вешалке. Шея длинная, светлые вьющиеся волосы небрежно свернуты и подколоты на затылке. Здесь не ее спальня – насколько понимаю, спальня располагается сразу после арки, а здесь обустроено рабочее место с компьютером и прочими нужными атрибутами. Пространства хватает с лихвой. В таких апартаментах для двух жильцов сложно не найти достаточного места. Возле стола останавливаюсь, раскладываю учебники. Чувствую, что девушка тоже меня разглядывает – еще более откровенно, чем недавно я сканировал ее затылок. Да и говорит прямо:

– Я думала, что вы старше.

– С чего ты взяла? – Пожимаю плечами.

Она молчит. Но на самом деле, у ее удивления есть основания. В анкете мы указали возраст сорок шесть лет, рожу мне немного отфотошопили – решили, что так увеличим шансы. Сразу после получения заказа анкету удалили, чтобы не попасться на разнице деталей. Выбор делала секретарша Куприянова, но, конечно, согласовывала с шефом. И сам он не должен был насторожиться. А Жорик настаивал, что без ретуши такого кобеля ни один приличный отец в курятник не пустит, потому даже блядские очки с простыми стек-

лами мне на нос присобачил, а потом еще и морду для анкеты немного подправил – что угодно, лишь бы на первом этапе мою кандидатуру одобрили, а дальнейшее уже от меня будет зависеть. Но я все равно старше ученицы на десять лет, какая разница? Мы ведь с ней не на свиданку бежим, а открываем чудесный мир высшей математики. Ну, Ася открывает, а я пытаюсь вспомнить то, что когда-то изучал в институте.

Я готовился: несколько дней штудировал учебники. И все равно облегченно выдыхаю, когда она показывает мне задание – это я могу решить. Точнее, объяснить, как решается, ведь если она не будет довольна результатом, то меня выпроводят и наймут другого репетитора.

– У меня уже завтра контрольная по этой теме, а я ни в зуб ногой. – Ася вдруг ошутимо сжимается и смотрит на меня почти виновато: – Успеем подготовиться? Я буду стараться.

Едва не смеюсь. Это не от меня зависит, успеет она или нет. Не я ведь за ее мозги отвечаю, не я ее пихал в вуз, который она потянуть не может. Даже не я объяснял ей в раннем детстве, что за папино бабло прекрасное будущее не всегда можно купить. Но произношу другое:

– Приведение матрицы к ступенчатому виду? Да легко. Садись, бери листок.

Вряд ли я – великолепный учитель. Просто решаю и вслух подробно объясняю, что делаю. Пододвигаю к ней учебник с примером, прося попробовать решить самой. Наблюдаю за ней и подсказываю, когда Ася тормозит. У нее немного

вздернут нос, а когда задумывается – грызет колпачок ручки. Меня почему-то раздражает эта ее дурацкая привычка, не нравится, как она прикасается пухлыми губами к пластмассе, но и оторваться от наблюдения я не могу. Ася чувствует мой взгляд и косится – ненормально большие глаза оказываются голубыми.

– Что? – Она нервничает. – Опять неправильно?

– Да нет, – я широко улыбаюсь и честно признаю: – Просто удивлен. Немного практики – и тему ты сдашь. Зачем тебе репетитор, если у тебя явно нет неразрешимых проблем с этим предметом?

– Есть. – Ася вдруг густо краснеет – и это меня начинает раздражать еще сильнее. Хуже, чем ее губы на колпачке. – Я много пропустила, сейчас догоняю. А преподаватель зверствует. Подумает еще, что если Куприянова, то только на фамилии собираюсь выезжать! Да, это совсем не мое. И мне надо иногда три раза объяснить, но ведь это не значит, что я не могу?

– Не значит. Берись за следующее задание. – Я просто пытаюсь ее отвлечь, чтобы она своими зенками перестала на меня пялиться. Но все же через пару минут интересуюсь: – Почему пропускала? Болела?

– Нет.

Она не хочет распространяться, да это и не мое дело. Целый час я просто наблюдаю за ней, как в транс, а от раздражения отвечаю иногда излишне напряженно. Она думает

медленно, но ориентируется на пример и постепенно осваивается. Иногда зависает, и тогда я решаю ее подбодрить, как самый крутейший на свете репетитор:

– Не парься, Ася, у тебя неплохо получается. Я на самом деле удивлен твоими способностями – ожидал увидеть тут что угодно, но не редкое чудо – женщину, способную постичь матрицы.

По-моему, прозвучало вдохновляюще и с каплей иронии, идеальная смесь. Но она косится на меня, как болотное чудище:

– Алексей Владимирович, вы сами-то слышали, сколько сексизма в вашем комплименте? – возвращается к решению, но уточняет: – Женщин ненавидите?

– Почему же? – я вообще не понимаю смысл упрека. – Я женщин очень люблю. Регулярно, можно сказать.

Сразу кривлюсь от досады: мне не институтскую программу надо было повторять, а как-то корректировать привычную манеру общения. Но Ася лишь хмыкает и продолжать болтовню не собирается. На самом деле мне, конечно, плевать на ее мозги, на ее характер, что она любит или ненавидит, я размышляю о собственном положении. Жорик почти никогда не ошибается, но не в этом случае – зря он решил, что я справлюсь. Все нужные бумажки мы сделали, легенду продумали, образ обновили, включая обшарпанную сумку с щелкающим замком. Не оценили только главное – мое состояние, которое уже на этом первом уроке ощущается

невыносимым. Мне не нравится в этой квартире всё: от повара на кухне до дурацкой Аси, которая, вопреки всем предположениям, оказывается не тупорылой размалеванной куклой. Лицо-то у нее как раз кукольное, у меня такие вызывают хроническую антипатию, но в пластмассовой черепушке пара извилин завалилась, их надо только в правильную сторону закрутить. Но самое печальное: она кожей чувствует мой взгляд, как-то сжимается от него, как будто я ее руками трогаю, но постепенно привыкает к этому ощущению и не показывает вида, что ее что-то беспокоит. Пусть еще раз покраснеет! А то я пока недостаточно раздражен, чтобы плюнуть на нашу задумку и больше никогда здесь не появляться.

Ася

Забываю об Алексее Владимировиче сразу, как только закрываю за ним дверь. Но, когда получаю за следующую контрольную заслуженный трояк с претензией на четверку, – улыбаюсь. Репетитор перед уходом попросил оплату наличкой, отказался от перевода на карту. Я кое-как собрала по карманам нужную сумму. Ясно с ним все – от налогов скрывается. Конечно, секретарша отца проверила все его бумажки. Он преподавал вышку где-то в Омском институте, потом перебрался в Москву и теперь подрабатывает репетиторством. Честно, первой мыслью у меня было позвонить отцу и сказать, чтобы искал другого учителя. Но я остановила себя. Да, материал Алексей Владимирович объяснял так

себе, без огонька. Но зато не клевал мне мозг, не пытался читать лекции о важности предмета и не торопил, когда мне надо было просто подумать. Я реально туплю, когда смотрю на цифры, и удивляюсь, как другие люди с тем же справляются без малейшего напряжения.

Вечером еду в «Меркурий», по пути правильно рассчитывая время. Если вернусь домой после отца, то снова начнет орать. Но как раз сегодня у меня есть отговорка – я все-таки закрыла первый долг по высшей математике. Да, пока результат не блестящий, но отцовский упрек уже не будет иметь оснований. Благодаря новому репетитору. Или я благодарила бы любого репетитора на его месте, кто был бы просто в состоянии мне спокойно показать алгоритм решения?

Ольга улыбается со сцены, машет, чтобы я быстрее переодевалась. Она закончила театральное отделение, несколько лет работала на большой сцене, пару раз снялась в эпизодических ролях, но потом ее жизнь переломилась: Ольга узнала, что не может иметь детей, развелась с мужем – для него этот пунктик оказался слишком важным. И тогда, в самой глубине своей депрессии, поняла, что у ее жизни должен быть важный смысл, который перекроет все пробелы. Если не получилось пожить для себя – надо пожить для других. И тогда она открыла любительский кружок сценического искусства «Меркурий».

Мы платим ей за посещение, но деньги символические, удивляюсь, как Ольге хватает на аренду помещения и жизнь.

Но в дело она вовлечена полностью – раскрывая нас, раскрывает и саму себя. Радуетя успехам своих питомцев, как будто целую кучу детей усыновила и в люди вывела. Собрала она разновозрастный контингент. Самому младшему десять лет – его родители приводят, они мечтают, что после такой подготовки в будущем Макар без труда поступит на театральное. Шестидесятилетняя Людмила Ивановна играет у нас бабушек, когда такая роль в сценарии имеется, а чаще занимается реквизитом. Она сюда явилась для психологической разрядки – и на моей памяти ни одной репетиции не пропустила. Две семнадцатилетние школьницы тоже стараются. Они предпочли бы модельное агентство, но там требуют другой платы – вот и решили хотя бы пока тренировать актерское мастерство. Бесконечно бегают на кастинги, Алина недавно прошла в какую-то рекламу – съемки еще не начались, но она разрыдалась, когда рассказывала об этом Ольге. Все мы тут для разных целей, но кто пришел – навсегда здесь и остался. Как и я, обнаружившая этот коллектив почти год назад. До тех пор думала, что с ума сойду от бессмысленности бытия, но нет – растряслась, в простых ролях начала узнавать себя с иных сторон.

Ольга нам не врет. Она сразу говорит, в ком видит потенциал, нередко открыто критикует – пытается раскатать в остальных каплю таланта до максимума. И меня в покое не оставляет, кричит и теперь:

– Ася, сосредоточься! Вернее, наоборот, отпусти ты уже

контроль. Это важное упражнение, как ты не понимаешь? Актер не может стесняться себя или своего тела! Убрать зажатость – первое, что необходимо сделать. Тряси руками, ногами – позволь себе быть безобразной! Быть какой угодно, только естественной!

Я понимаю важность. Бессистемно вожу руками по воздуху, отключаюсь от мыслей. Наконец-то, достигаю необходимой пустоты сознания, но после нее всегда происходит одно и то же: всплывают какие-то факты, которым сразу не придаю значения. Я снова мысленно погружаюсь в тот урок с новым репетитором. Странное дело: поначалу я ощущала полное равнодушие, но чем больше проходило времени, тем чаще мысленно возвращалась в тот час и пыталась уловить еще какие-то детали. До меня они доходили будто постепенно, капля за каплей. Нельзя сказать, что Алексей Владимирович совсем меня не поразил. Было в нем что-то странное – вот смотрю на него и чувствую диссонанс, хотя объяснить этого не могу. Я разных учителей видела, но такие мне не попадались. Если в Омске весь профессорско-преподавательский состав так выглядит, то я срочно хочу туда! Он оказался высоким мужчиной с пронзительными зелеными глазами и русой шевелюрой. Волосы на висках слишком коротко острижены, ему такая прическа не очень идет. Дешевый мятый пиджак, белая рубашка и эти идиотские очки. Неужели никто не сказал, что ему нужна другая оправа? Нелепые круглые стекла делают из довольно симпатичной физионо-

мии какое-то ботаническое чучело. Ему на вид не больше тридцати – удивительно, как успел заработать такой послужной список. Уверена, если бы папа его увидел – убрал бы от меня подальше, кабы чего случайно не вышло.

И в первые полчаса после знакомства меня такое подозрение рассмешило бы. Но по мере привыкания я расслаблялась и приглядывалась к нему пристальнее, отмечая неожиданные несостыковки. Пахло от него дорогим парфюмом, это точно. Если бы я приблизилась еще ближе к его шее, если прямо носом коснулась бы щеки, то наверняка вспомнила бы и бренд. Кто-то из благодарных учеников подарил? Вполне может быть. А вот другая деталь почти насторожила. Из-под белоснежного воротничка сбоку на шее выглядывала темная полоска – конец татуировки: то ли заостренный язык пламени, то ли завершение какого-то орнамента. Забавно. Все преподы математики должны быть такими же продвинутыми! Тогда, возможно, ученики больше ценили бы их усилия.

Нет, желания раздеть его и посмотреть рисунок целиком у меня не возникло. И никогда не появится – такой мужчина не имеет шансов мне понравиться. Он старше, и даже на это можно было бы закрыть глаза, важнее другое: с таким, как он, я никогда не буду знать наверняка – ему нравлюсь я сама или деньги моего отца. Считать-то он точно умеет. А мы плавали – знаем. Еще в старших классах обожглась, когда мой тогдашний молодой человек начал почти агрессивно настаивать на свадьбе после того, как оказался у меня в го-

стях. Вся романтика куда-то испарилась от вида его горящих глаз на обстановку и модель моего компьютера. Затем папа пристроил меня на престижный финансовый факультет, где полно богатых отпрысков. От них уже можно было ждать честного отношения, но как раз парни из состоятельных семей относились ко мне ровно, не шептали с придыханием в ухо о вечной любви и не уточняли осторожно, сможет ли мой отец помочь им устроиться в жизни. Скорее как-то наоборот: они тянули меня в клубы и на вечеринки, подчеркивая, что серьезные отношения им не нужны. Так, легкий дружеский перепихон без взаимных претензий, если захочу. А не захочу – не беда, согласных девочек они всегда найдут. Такие намеки слушать не было противно, ведь они были кристально честны и понятны. Наследникам бизнес-империй и сыновьям крупных политиков просто нет нужды притворяться и кого-то из себя строить, чтобы охмурить очередную красотку. И хоть я ни с кем в универе близко не сдружилась, но общаться на посторонние темы с ними мне было легко, потому что я не чувствовала камней за пазухой.

Вопреки однозначной установке, в четверг, за час до появления репетитора, на меня накатывает какое-то волнение. Я передеваюсь в узкие джинсы и легкую нарядную тунику, долго верчусь перед зеркалом. Наверное, пристальный взгляд Алексея Владимировича на мои ключицы произвел такой эффект. Я ему, кажется, понравилась, не просто же так он пожирал меня глазами – и это ощущение заставляет хо-

теть понравиться ему еще сильнее. Без продолжения, без будущего, без планов, а просто так. Потому что я – юная девушка, которой хочется чувствовать чье-то внимание, ощущать себя особенной. У него, скорее всего, жена есть или подруга, уж слишком хорош, невзирая на идиотские очки. Но я ведь и не собираюсь его уводить – просто в груди жужжит какой-то вредностью.

За пять минут до его появления бегу переодеваться снова – в широкую бесформенную футболку и домашние штаны. Сама не понимаю, что на меня нашло. Весна просто, кровь гудит, всякая чушь в голову лезет. Косметику смыть не успеваю, потому ругаю себя за минуту слабости.

– Сегодня не опоздал? – Улыбается уверенно, почти хищно. Точно замечает мои накрашенные ресницы – поэтому и улыбается именно так. Не представляю, зачем репетитору по математике нужна такая улыбка – она лишняя, она вредит всей его репутации. – Как результаты, Ася? Сдала контрольную?

– Сдала. Проходите, – бурчу я, как будто он сделал что-то плохое.

Сегодня мы одни – и это почему-то немного смущает. Повар по четвергам уходит раньше обычного, а клининг является чуть позже. Небольшой промежуток времени, каких-то полчаса без персонала за стенкой, а все равно не по себе.

– Продолжаем тему? – Он больше не таращит на меня зеленые глаза, а полностью сосредоточен.

Через час провожаю его и понимаю, что все себе придумала. Это не я ему понравилась в первую встречу – это он понравился мне. Зацепил чем-то, уголком этой своей татуировки дернул за какой-то рецептор, вот фантазия и разыгралась. Алексей Владимирович в меру равнодушен, он как-то даже не особенно вовлечен в наши занятия. Просто объясняет и проверяет задание в ожидании, когда я отдам ему его деньги и отпущу на волю. Нет, это не обидно. Так даже лучше. А весна когда-нибудь закончится, мне перестанут мерещиться чужие симпатии.

Глава 2

Владимир

Через пару недель сидим с Жориком в кафешке. Стол высокий, приходится упирать ноги в ступеньку, чтобы не болтались в воздухе. Окно рядом с нами от пола до потолка затемнено – с улицы нас практически не видно, если только прохожий не подойдет к стеклу вплотную.

– Ты уже четыре раза был в квартире, неужели никаких подвижек? – интересуется друг.

– Не гони лошадей, – прошу я. – Кабинет сразу через гостиную. Скорее всего заперт, замочная скважина точно есть. Плюс поиск документов. Мне потребуется минут десять, чтобы с запасом. Работников нет только полчаса в четверг. Не напомнишь, зачем мы на уроки по вторникам согласились?

Жорик поджимает нижнюю губу, обозначая безразличие:
– Чтобы Ася к тебе привыкла, расслабилась. Начала считать тебя предметом мебели. И не напряглась, когда ты уйдешь в туалет на целых десять минут. Напоминаю, у нее в июне сессия. Сдаст экзамен – и больше ты ей не понадобишься.

– Да знаю я, знаю, – болезненно морщусь. – Но не торопи. У меня одна попытка.

В кабинет Куприянова я в любом случае попаду, но лучше

попасть успешно, чем просто попасть. Время еще есть, а спешить нельзя. Жорик не зря обрабатывал секретаршу – однажды она обмолвилась, что шеф по понедельникам работает дома. И последняя прокурорская проверка ни к чему не привела. А это означает, что самые важные документы он хранит где-то в квартире – не рискует, гад хитровыверенный. И нам очень, очень нужны эти документы, чтобы наконец его прижать. Гнида отозвал наше разрешение на застройку, получив крупную взятку от другой компании. И все наши проекты, все наши, сука, инвестиции просто полетели в трубу. Всего две правильные бумажки – и там можно решать, куда с ними идти: в прокуратуру или прямо к Куприянову. Увидев их, он выпишет любое разрешение, хоть центр Москвы позволит перестраивать вместе с Красной Площадью. Я был виноват – и чувствовал эту вину каждым нервом. Виноват в том, что недооценил крысиную натуру чиновника, который за десятки лет привык жировать, а не просто подписывать. Виноват, что не перекупил Куприянова вовремя. Виноват, что долго не мог поверить, что меня вместе со всей моей компанией вот так запросто отымели, выдав разрешение задним числом другому застройщику. Поначалу тешил себя иллюзией праведного гнева: мол, я только справедливости хочу – засадить прогнившего чинушу. Но потом поостыл и понял – на его место придут два точно таких же, и вся разница будет лишь в том, что взятки придется платить обоим. А на самом деле я хочу простого человеческого счастья – получить бабло,

которое уже успел посчитать своим. Прибыль за целый жилой комплекс – далеко не три копейки. И я свои деньги получу, даже если придется брать Асю в заложницы и угрозой ее жизни получить нужную бумажку от ее отца.

– Вон она идет! – Жорик оживляется. – Насмотреться не могу, ноги от ушей. Как Куприянов мог породить такое чудо? Почему я взял на себя старуху, а тебе досталась такая красotka?

Я тоже смотрю на противоположную сторону улицы. Ася идет в заведение с позорно малюсенькой вывеской «Творческий коллектив «Меркурий»», какой-то любительский кружок, она туда трижды в неделю является. Взгляд приклеивается к короткой весенней курточке, скользит вниз на обтянутую джинсами попку. Вспоминаю, что Жорик ждет ответа, но я даже вопрос не понял, потому отвечаю на тот, который его обычно интересует:

– На рожу ничего такая, глаза у нее красивые, но все-таки не в моем вкусе, – мечтательно вздыхаю. – Я сиськи люблю. И круглые задницы. Как у Ирки.

Жорик хохочет:

– Ты такой романтик, Владимир Алексеич, слов нет! А я секретаршу Куприянова даже в постели Марией Львовной называю. Знаешь, это даже возбуждает.

– Ну так и не ври, что недоволен, – замечаю я. – Ты на нее насел потому, что тебе хотелось насесть именно на нее. А уж информация стала приятным дополнением. Не ври мне – я

слишком хорошо тебя знаю. Может, мне выйти к Асе? Типа случайно ее увидел и решил поздороваться.

– Не перегибай, – останавливает друг. – Она не должна видеть в тебе ничего подозрительного – а случайная встреча на другом конце Москвы ни фига не самое предсказуемое явление. И ты сейчас без очков.

Я вспоминаю:

– Да, точно. Эта круглая оправа делает меня похожей на круглого идиота. Или на учителя математики. Ну, в моем представлении.

Ася заходит в здание, она такая хрупкая, что даже железную дверь с трудом открывает. Больше на улице нас ничего не интересует, потому мы возвращаемся к кофе и разговорам. Случайно выдаю то, что впервые пришло на ум:

– Жорик, а я – тоже гнида, да? Ну раз и Асю заодно обманываю. Она не дура, и нормальный репетитор ее получше бы натаскал, а я в педагогике шарю примерно так же, как в сортах тонального крема.

Друг разубеждает:

– Нет, ты благородный рыцарь, как твой тезка, Дубровский. Тоже притворяешься гувернером, чтобы поиметь отца семейства. Гордись, ты живая классика!

Молчу, поскольку не имеет значения, верит он сам в это или нет. Я так или иначе к Куприянову подберусь, мерзость уже забылась в своей безнаказанности – кто-то должен ему показать, что в своем кресле с такими моральными качества-

ми он сильно засиделся. Новая эра наступила, Михаил Евгеньевич, новое поколение на подходе. Нельзя наложить лапу на наше бабло и остаться в шоколаде.

Жорик вдруг хмурится и подается в мою сторону, внимательно высматривая в моих глазах что-то важное.

– Володя, – произносит с нажимом, – только не вздумай втрескаться в эту блондиночку. Мы отыщем ее отца в любом случае, но тогда тебя будут мучить остатки совести.

Смотрю на него, как на сумасшедшего, и произношу твердо:

– Ни одна Ася, Алена, Ирина, Наташа и – боже упаси – Мария Львовна не остановит меня от того, чтобы выебать Куприянова. Еще не родились те сиськи, из-за которых я передумаю на его счет. – Не выдерживаю серьезности и начинаю смеяться: – Сука, это прозвучало очень по-гейски, но ты меня понял.

Друг тоже улыбается, но почему-то все еще с подозрением косится на меня:

– Просто она такая хорошенькая. Я бы вряд ли устоял. Хорошо, что диплом физмата у тебя есть, а слабости ко всем представительницам слабого пола нет.

– Как у тебя? – я поднимаю бровь.

– Как у меня, – смиренно признает общеизвестный бабник.

Такой грешок за ним водится. Он мне уже половину офиса перетрахал. Если до его появления все девки тайно взды-

хали по мне, то в последние три года они открыто рыдают по нему. Не будь этот смазливый черт таким отличным юристом, я б его лично придушил. Не знаю, что женщины в нем находят – Жорик невысокий, худосочный, какой-то суетливый, но зубы заговаривает аки дьявол. В школе одноклассницы его считали смешным лохматым недоросликом, но за годы он немного нарастил мяса и опыта – и стал буквально непобедим на своей территории.

– Ну ты смотри, – грозит он, все еще не отпустив последнюю тему. – Держи себя в штанах.

Я делаю глоток горького кофе и снова рассеянно смотрю в сторону улицы. Не говорю ему о том, что иногда мучаюсь раздражением по отношению к дочери Куприянова. Особенно когда эта маленькая чертовка грызет гребаную ручку, сама того не замечая. Этими своими розовыми ненакрашенными губами. Клянусь, однажды я даже увидел мелькнувший кончик ее языка. У меня в такие моменты сначала напряжение нарастает, а потом замирает где-то в горле. Я неизменно сжимаю зубы до хруста, закидываю ногу на ногу, чтобы скрыть каменный стояк, и считаю минуты, когда ебучий час закончится, и я смогу свалить от нее подальше. Извечные эти ее футболки и острые тонкие ключицы бесят до мельтешков перед глазами. Ася все еще такая же дурацкая, как в первый день, но с каждым разом напряжение нарастает все быстрее. И заставляет желать попасть уже не в кабинет Куприянова... Вообще ни разу не в него.

Я знаю цену этим эмоциям. Бывает, ничего не поделаешь, их надо просто игнорировать, пока не отпустит. Я взрослый здоровый мужик, а она – недоступная мне девчонка с огромными глазищами и длинными ногами. Не грызла бы свою ручку – я бы вообще ее не заметил. Но Ирке стал звонить чаще. И трахаться вдохновеннее. Не подумала бы моя драгоценная любовница после подобных забегов, что у нас с ней начались серьезные отношения.

И еще в зал хожу чаще, чем раньше. Боксом с детства увлекаюсь, но сейчас это так, хобби, ничего серьезного. Лучшей отдушины я так и не нашел, хотя тренер вчера приглядывался ко мне с непонятным подозрением, но ничего вслух не сказал.

Ася

Я уже привыкла к репетитору, а на третьей неделе занятий уж точно не думаю напрягаться от его присутствия. Его лицо до сих пор кажется неподходящим для такой работы. Нет, оно-то как раз вполне «обезображено» интеллектом, но квадратный подбородок почему-то сводит эффект к минимуму и не позволяет представить его восемнадцатилетним мальчишкой, безвылазно корпящим над учебниками. Слишком брутальный, чтобы его не отвлекали от математики симпатичные одноклассницы, слишком пронзительным взглядом умеет смотреть... Но я уже давно не пялюсь на него и легкий диссонанс воспринимаю как должное. Кро-

ме сегодняшнего дня.

Он вдруг подается ко мне, когда я почти додумываюсь до решения задания, с силой давит мне на руку, отводя ее от лица. На этом не успокаивается – хватает упавшую на стол ручку и будто случайно ломает ее пополам. До меня лишь теперь доходит, что я снова грызла колпачок – это что-то нервное, детская привычка, которая возвращается всегда, когда я о чем-то глубоко задумываюсь. Но его движение меня потрясает абсолютной наглостью.

– Вы что себе позволяете? – спрашиваю, наблюдая, как изгрызенный колпачок улетает на пол.

– Бесит, – отвечает он мне спокойно, как будто так и должен себя вести адекватный репетитор.

Знаю, что очень многих раздражает такая привычка, но до сих пор за руки меня никто не хватал. И не смотрел так, будто он здесь – царь зверей, а я – шагающая не в ногу овца, которая посмела его царское величие побеспокоить самоуправством. Кое-как подавляю всплеск эмоций, прощая на первый раз, и снова погружаюсь в учебник. Но перед записью следующей цифры тянусь за карандашом. И через несколько секунд получаю то же самое – почти удар по запястью, после чего карандаш с тихим стуком падает на столешницу. Кажется, я снова задумалась и впилась в него зубами. Но это уже слишком!

– Вы что себе позволяете, Алексей Владимирович?! – на этот раз я уже не сдерживаюсь. – Да, у меня есть плохая

привычка! Но можно просто сказать, а не набрасываться?

Он вдруг улыбается, за секунду расслабившись. Смотрит прямо с небольшим прищуром. И говорит таким тоном, как будто не испытывает ни малейшей вины:

– Не тащи в рот все подряд, Ася, это плохая примета. Ты зубы точишь или сосательный рефлекс не удовлетворила?

От подобного нахальства у меня глаза из орбит лезут. Он в своем уме? Стараюсь не кричать, но говорить твердо – это я здесь главная, а не он:

– Алексей Владимирович, напомним, что я плачу вам деньги за занятия, терпение и вежливость! И если вы не способны справиться с такими обязанностями, то добро пожаловать на выход. За ваш ценник я двух таких же найму. И совсем не уверена, что они будут учить хуже!

Моя отповедь приводит только к одному итогу – его улыбка становится шире. Мужчина кажется расслабленным, откинулся на спинку стула, ногу закинул на ногу, сплетенные руки лежат на колене.

– О-о, – тянет с настоящей иронией. – Маленькая избалованная девочка решила, что раз она платит, то может творить что угодно?

Да он охренел... При моем отце невозможно было вырасти «маленькой избалованной девочкой», но оправдываться перед ним я не собираюсь. И да, я привыкла, что нанятый работник обычно знает свое место. А не сидит здесь в позе директора перед нерадивой секретаршей. В зеленых глазах рас-

ползают черные зрачки, ничто больше не выдает его злости. Он не боится потерять свое место? У него хватает учеников и без меня, потому он так себя и ведет? Но почему-то мне в его глазах мерещится довольство – как если бы Алексею Владимировичу понравилось, что он вывел меня на эмоции. Это какой-то вызов, но я не могу его расшифровать. И, кажется, если прямо сейчас его вышвырну из квартиры – проиграю. Он приглашает меня куда-то – туда, где мы оба немного нарушаем правила игры.

Не буду пока выгонять, посмотрю, что произойдет дальше. Смотрю ему в глаза, беру карандаш, демонстративно подношу к губам и кусаю. Молчит, терпит, все так же улыбается. И, конечно, больше не пытается у меня вырвать канцелярию – понял уже, что перешел грань и ему хватит одного неверного движения, чтобы оказаться в подъезде. Но мне мало просто уесть, я реагирую на внезапную волну вредности. Комментирую:

– Маленькая избалованная девочка находится у себя дома, Алексей Владимирович. И если ей хочется грызть ручки – она будет грызть ручки. – Один раз цепляю зубами карандаш и продолжаю: – Если вас это бесит, то просто скажите, ведь сама я не замечаю. Но еще раз ко мне притронетесь – и я оставлю вам такие отзывы, что вы никогда в жизни больше ни одного ученика не найдете.

И, чтобы окончательно добить, высовываю язык и провожу по деревянной поверхности карандаша. Просто прове-

ряю, уяснил или нет. Но вижу, как зеленые глаза стекленеют. Естественно стекленеют! Темные ресницы чуть приподнимаются и застывают, в скулах появляется напряжение. Однако сам репетитор помалкивает. Наверное, дошло, чем рисковал. Вот я и расставила нужные акценты, возвращаюсь к задаче. И запоздало смущаюсь, на щеках ощущаю горячие пятна. Лизать карандаш точно не стоило – я на эмоциях переборщила. Наверное, это выглядело как-то пошло? Ну а как еще это должно было выглядеть? Главное, что своего добились – он заткнулся. Но чтобы скрыть собственное замешательство, решаю немного смутить и его:

– Вы сегодня какой-то психованный. Случилось что-то?

– Я? – он удивляет тем, что легко смеется, ни малейшего напряжения в голосе – я, похоже, напряжение сама придумала. – Нет, я просто подумал, что могу предложить тебе свой палец. У меня высокий болевой порог. Если уж тебе все равно, что в рот тащить, то я готов подыгрывать.

Ответил тем же – пошлостью на пошлость. Я просто игнорирую неуместную шутку и давлю свою линию, мы здесь можем говорить только о математике и моей успеваемости:

– Вас злит, что я так плохо продвигаюсь? Считаете меня тупой?

Он выпрямляется и смотрит теперь серьезно – я все еще склоняюсь над тетрадью и бросаю в его сторону лишь один взгляд, чтобы убедиться в смене позы.

– Тупой я тебя не считаю, Ася. – Произносит медленно. –

Нет, гениального математика из тебя не получится, немного другой склад ума, но базу потянуть ты точно способна. Вот только у тебя совсем нет мотивации. Ты получаешь свою тройку – и радуешься. Ты делаешь только те задания, которые завтра спросят – и сразу же забываешь после того, как сдашь.

Он очень верно формулирует. Я приподнимаюсь и задумчиво смотрю вперед. Объясняю после паузы:

– Потому что это очень далеко от того, о чем я действительно мечтаю. Меня тошнит от мысли, что я занимаю в группе чье-то место. Да и сама как будто просто время теряю.

Репетитор отрезвляет меня одной фразой:

– Пожаловаться на жизнь решила?

Снова смотрю в учебник. Нет, конечно, мои проблемы – не его дело. Тысячи детей хотели бы оказаться на моем месте – получать блестящее образование в лучшем вузе, но им даже хотеть в эту сторону не позволено. А я сижу и ною. Представляю, как это звучит в ушах простого преподавателя, который, при его-то уме, вкалывает за копейки. А без учителей все развалится, такие идейные люди жизненно необходимы.

Почему-то Алексей Владимирович сам продолжает тему, задавая следующий вопрос, уже мягче:

– Так ты поэтому много пропустила? Решила забить на учебу?

– Не забыть, – отвечаю излишне эмоционально, не глядя на него. – Наша руководительница договорилась о целых девяти спектаклях в самом настоящем театре, пусть и маленьком. Представления давали днем, билеты продавали по минимальной цене, зато получили настоящий опыт! Да, я пропускала учебу, и да, миллионы мы не заработали. Но мне ничего больше не нужно, кроме того, что тогда на сцене происходило. Вы-то как раз способны это понять – когда сама профессия важнее денег!

– Не способен, – изумляет он ответом. – Я так люблю деньги, что готов на них жениться, готов водить их в ресторан и желать им доброго утра. К счастью, это взаимно. Но я разрешаю другим людям думать иначе. Так почему ты не пошла в актрисы?

Мне почти смешно. По крайней мере, рот кривится в подобие улыбки, а голос звучит почти карикатурно:

– «Как можно, Ася? Получи нормальный диплом, встань на ноги, а потом делай, что хочешь! Пусть публику веселят нищелюбы, а ты не маленькая девочка, чтобы не задумываться о будущем!»

– Отец? – сразу понимает он.

Киваю. Очевидно же. Зря я вообще об этом заговорила – так и вышло, что все-таки ною. И потому закрываю тему давно принятым решением:

– И я получу этот диплом. Так или иначе, но получу. Сразу после защиты положу на стол отца и уйду в театральную сту-

дию на месяц, прямо там под креслами спать буду, пока запах реквизита не надоест. Но на самом-то деле папа прав – нужна стабильность. А если не получу нормальную роль? Талантом я не блещу, бесконечно спекулировать только на внешности и молодости не выйдет. Тогда побегу к отцу забирать свой диплом обратно, – смеюсь я. – Значит, для начала мне надо сдать эту долбанную вышку.

Кошусь на него, чтобы оценить реакцию – не перебрала ли с откровенными разговорами? Но репетитор смотрит спокойно и внимательно.

– Именно поэтому я здесь.

Невольно улыбаюсь. Да, именно поэтому. И вдруг вылетает невольный вопрос – сама не знаю, почему меня это заинтересовало:

– Сколько вам лет, Алексей Владимирович?

– Тридцать. Летом будет, – он отвечает без паузы.

– А мне двадцать. Летом будет, – зачем-то говорю я, хотя он не спрашивал, и снова поворачиваюсь к тетради. – С каждым днем я становлюсь все более староватой для роли принцессы, а в вашем преклонном возрасте меня уже вряд ли позовут играть на сцене первую любовь в юного принца.

Теперь он улыбается – я чувствую это щекой. Но больше не отвлекаюсь, мы здесь не для этого.

Он уходит минут через двадцать, когда время вышло. Сегодня был плохой урок, ненормальный какой-то. Репетитор перешел все границы, но и я немного за границы загляну-

ла, оба хороши. Так себя вести некрасиво, но мне почему-то легче от мысли, что я не стала доводить ситуацию до исторических увольнений. В следующий раз он придет во вторник – хоть что-то интересное произойдет во вторник.

Запираю дверь не сразу, просто торможу. Поэтому вижу, как репетитор идет к лифту, прижимая телефон к уху.

– Ира, я сейчас заеду... – Короткая пауза и осязаемый нажим в тоне: – Да насрать мне, что у тебя работа, я сейчас заеду! – Снова слушает собеседницу и уже смеется: – Тот же. Моя девочка. Начинай раздеваться уже по пути, иначе я лопну.

Я успеваю закрыть дверь до того, как он остановится и случайно обернется. Понятно, женщина у него имеется. Неудивительно. Удивительно, как он с ней неласков. Но в этой грубости тоже что-то скрывается – по меньшей мере не остается ни малейших сомнений, для чего конкретно он идет к неведомой «Ире». Возможно, ей самой по душе такое неприкрытое желание, в котором не остается места для возражений?

Бедные омские студентки, которые у него учились! Смеюсь до слез, представив, как их парализует тот же тон в другой фразе: «Да насрать мне, что ты задачу решить не можешь! Раздевайся, сейчас я устрою тебе такой зачет, что три дня ходить не сможешь». Смеюсь, сползая по двери, но потом трясую головой, выкидывая дичайшего репетитора из головы на несколько дней.

Глава 3

Владимир

Она дразнит меня неосознанно. И краснеет, когда сама это начинает понимать. Возможно, девочка и не догадывается, насколько хороша. Строгое воспитание перемешивается с мажорным окружением, зажатость – с желанием добавить в жизнь любых ярких эмоций, и на выходе получается какая-то смесь импульсов. Хотеть ее постоянно уже почти привычно, но по полной программе достается Ирке. Она – не скромница, знает, чего хочет, но я уже опасаясь, что когда-нибудь ее поперек переломаю. Разорву на две части, а замечу это только после того, как кончу.

– Володя, ты просто животное, – Ира откидывается на подушку, бессильной рукой тянется за сигаретой. Довольная, счастливая, измотанная.

Перехватываю ее руку, делаю пару затяжек, отпускаю. Мне нравится Ирка, она идеально мне подходит. Ей не нужны мои деньги – она хочет только трахаться. У нее отличный бизнес, который она отсосала при разводе. Да, именно в этой формулировке. Я ржал, когда она рассказывала мне свою историю. Бывший муженек, которого она называет не иначе, кроме как «лошком», думал, что у Ирки не хватит денег даже на хиленького адвоката. Денег у нее и не было, но бывший муж ужасно недооценил ее умение сосать. И Ирка пошла ва-

банк: выбрала самого лучшего юриста в Москве – и обработала до такого транса, что он выиграл для нее это дело, отпловинил имущество супруга, которому после судебного решения пришлось вызывать скорую. И тигрица определенно была такого подарка достойна: она не только не обанкротилась, но раскачала косметический салон до масштабной сети. Мы познакомились пару лет назад по работе, когда перестраивали фасад на ее здании. Зубастая стерва, которая ни одной копейки мне не уступила. Я уже на стадии переговоров решил, что на первом же перерыве затащу ее в туалетную кабинку. Но ошибся – туда затащила меня она, а я и не думал сопротивляться. Идеальная баба – умная, хваткая, выглядит на сто процентов – кровь с молоком. Возраст в тридцать пять лет сочетает в себе холодный рассудок, отсутствие комплексов и все еще горячую внешность, лучше не придумаешь. Почти сразу и я начал называть ее бывшего муженька лошкой, ведь она полностью права в этом определении: на таких, как Ирка, не женятся, а если угораздило, то не разводятся. Она ж с дерьмом сожрет за любую обиду.

– Ты в порядке, Володя? – зовет меня. – В последнее время ты сам не свой.

– Не в порядке, – отвечаю честно. Расслабленность после секса не позволяет хорошо сосредоточиться и держать лицо. – Я очень далек от порядка, Ир.

– Проблемы с бизнесом?

Я задумываюсь, ответ не кажется очевидным. С одной

стороны, да, у нас отозвали разрешение на застройку, а мы уже закинули в тот проект хренову тучу бабла. У меня штат рабочих, им надо платить зарплату, а не кормить планами на светлое будущее, когда мы все-таки выйдем из Куприянова все дерьмо. Но с другой... моя нервозность объясняется совсем не этим фактом. Дело в одной дурацкой малолетке, которая строит из себя повелительницу крепостных, но сама не отдает отчета в том, что творит. Почему она меня сегодня не уволила? Я бы себя после подобного уволил – пинком в окно. Но нет, Ася что-то демонстрировала – языком по карандашу. Клянусь, в тот момент в моей башке лопнула пара сосудов. Но я дожил до конца урока и даже смог ходить, не герой ли? И вторника буду ждать, как сумасшедший. Вся моя неделя сократилась до двух дней. Хотя нет – до двух часов, когда я смотрю на нее и поджигаю пальцы на ногах. Она мне послана для тренировки выдержки! И, черт возьми, я просто мамина гордость.

– Может, тебе жениться пора? – Ирка снова привлекает к себе внимание.

Брови взлетают вверх от удивления:

– Мне? Зачем?

– Ну не знаю... – Она жеманничает, вытягивая вперед губы. – Женишься, поживешь так лет пять, потом разведешься. Зато на всю жизнь усвоишь, что любить одного и того же человека каждый день – нереально.

– Как ты это поняла? – переспрашиваю, делая ударение

на «ТЫ».

– Примерно... В душ вместе или по очереди?

Она уходит, не дождавшись ответа, а мне не по себе. С чего вдруг Ирка про свадьбу заговорила? Она чувствует, что я на ком-то залип? Мое состояние становится настолько очевидным, что заметно со стороны? Тогда я уже не мамина гордость. Завязывать надо с этой Асей. Доделать дело и сразу завязать. Если я отымею Куприянова – он проглотит и переживет, никуда не денется. Но если я отымею его дочку, то он уже на ней отыграется за то, что вообще меня к себе подпустила. Но Ася не подпустит – я для нее занудный дяденька преклонного возраста, из которого она высосет всю математику, а потом забудет, как и не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.